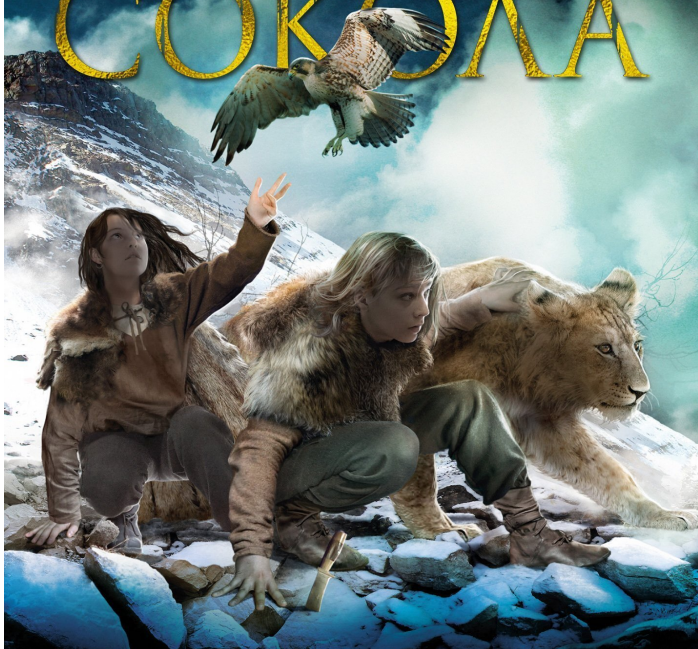

✦ БОГИ и ВОИНЫ ✦

КНИГА 3

ГЛАЗ СОКОЛА

От автора мирового бестселлера «Брат мой Волк»!

МИШЕЛЬ ПЕЙВЕР

Мишель Пейвер

Глаз сокола

Серия «Боги и воины», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67838793

Боги и воины. Книга 3: Глаз сокола: Азбука, Азбука- Антикус; СПб.;

2022

ISBN 978-5-389-21588-7

Аннотация

После извержения вулкана Солнце скрылось за тучей пепла и кругом воцарилась суровая долгая зима. Гилас, так и не найдя пропавшую сестру, плывет на Кефтиу, чтобы отыскать и спасти свою подругу Пирру. Но Вороны во главе с жаждущим власти Теламоном тоже спешат к острову. Теламону известно то, о чем не знает Гилас: когда проснулся вулкан, Пирре удалось похитить кинжал Короносов, о котором говорится в пророчестве.

Вместе с маленькой львицей Разбойницей и соколихой по имени Эхо Гилас и Пирра снова вступят в опасное противостояние с Воронами, и от его исхода будет зависеть судьба всего острова.

Впервые на русском!

Содержание

1	7
2	15
3	22
4	27
5	35
6	46
7	60
8	68
9	77
10	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Мишель Пейвер

Глаз сокола

Michelle Paver

THE EYE OF THE FALCON

Text copyright © Michelle Paver, 2014

Artwork copyright © Puffin Books, 2014

First published as The Eye of the Falcon in 2014 by Puffin
which is part of the Penguin Random House group of companies

All rights reserved

© А. Д. Осипова, перевод, 2022

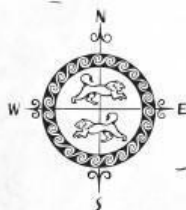
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа "Азбука-Аттикус"», 2022

Издательство АЗБУКА®

МИР БОГОВ И ГЕРОЕВ

остров Людей-с-плавниками

КЕФТИУ

Путь в Египет

КАРТА КЕФТИУ

– Что здесь случилось? – спросил Гилас. – Куда пропали все люди?

– Одного вижу, – произнес Перифас. – Вот только вряд ли он нам расскажет, что стряслось.

Перифас указал на корабль: Море выбросило его высоко на склон холма. В оснастке запутался скелет мужчины: сгнившие обрывки туники развевались на ветру; одна кост-

лявая рука будто махала странникам, и от этого по коже бегали мурашки.

– Как я погляжу, самую суровую кару боги обрушили на Кефтиу, – заметил Глаукос.

– Да тут и глядеть не надо, один смрад чего стоит, – сказал Медон.

Остальные обеспокоенно забормотали и стиснули в руках амулеты.

Гилас был потрясен до глубины души. Каких бы ужасов он ни повидал за зиму, с таким кошмаром столкнулся в первый раз. Море разнесло хижины и лодки, раскидало деревья, зверей, людей. На берегу царила зловещая тишина. Куда ни глянь, всюду горы разлагающихся обломков. На сапоги нахлестывает грязно-серый прибой, от удушливого запаха смерти перехватывает дыхание. Разве могли Пирра и Разбойница пережить такое страшное бедствие?

Перифас наклонился и лезвием ножа перевернул череп вола.

– Тут уже несколько месяцев людей нет. Все вокруг пеплом покрылось.

– Но кто-то же наверняка выжил, – возразил Гилас. – Почему кефтийцы не вернулись и не отстроили все заново?

Никто не ответил.

– Нет, это не Кефтиу, – покачал головой Гилас. – Кефтиу – огромный богатый остров, там тысячи людей живут, мне Пирра рассказывала!

– Жаль тебя огорчать, парень, но своих друзей ты тут не найдешь, – произнес Перифас. – Соберем все, от чего есть какой-то прок, и поплывем дальше.

Остальные разбрелись в разные стороны и стали искать, чем поживиться, а Гилас заметил в стороне хижину и направился к ней. Только бы найти хоть одну живую душу!

Ледяной ветер забирался под овечьи шкуры, в которые был одет Гилас. Он спугнул стервятника, и птица взлетела, подняв в воздух облако пепла. Мальчик и бровью не повел. Всю зиму Великое Облако скрывало Солнце, погрузив мир в вечные сумерки и засыпав его пеплом. Гилас привык и к мраку, и к черному порошку повсюду: в волосах, в одежде, в еде. Но это...

Гилас вспомнил, как в последний раз видел друзей. Было это семь месяцев назад на Талакрее. Гора плевалась огнем, на берегу царила полная неразбериха, все спешили уплыть на первых попавшихся лодках и кораблях. Каким-то чудом Гилас посадил Пирру с Разбойницей на корабль. Маленькая львица пыталась вырваться из клетки и выла, будто спрашивая: «Почему ты меня бросаешь?» А побелевшая от ярости Пирра (ведь корабль был кефтийским) вскричала: «Говорила же – мне нельзя на Кефтиу! Ненавижу тебя, Гилас! Никогда тебе этого не прощу!»

Он хотел ее спасти, а вместо этого отправил на верную смерть.

Хижина глинобитная, с соломенной крышей. После

яростной атаки Моря ее, видимо, пытались кое-как подлатать. А еще кто-то оставил на стене яркий белый отпечаток ладони. Раньше Гилас такого знака не видел, но похоже, это что-то вроде предостережения. Мальчик замер в стороне.

Ветер швырнул ему в лицо очередную горсть пепла. Отряхиваясь, Гилас поморщился от ноющей боли в виске. И тут он уголком глаза заметил двух детей в лохмотьях. Те быстро скрылись в хижине, но Гилас успел разглядеть, что это девочки: одной лет десять, другая помладше. Обеим зачем-то выбрили головы. Оставили только одну длинную прядь на виске. На шее у детей язвы размером с голубиные яйца.

– Не бойтесь, не обижу! – прокричал Гилас.

Те не отвечали, но явно слушали. А еще Гилас почувствовал их настроение: бессильную злость от тщетных поисков.

Чтобы успокоить детей, Гилас повернулся к ним спиной. И опять обе девочки замаячили в стороне.

– Отца с матерью ищите? – спросил он, не поворачивая головы. – А я – друзей. Есть тут кто живой, кроме вас?

Молчание. Гилас не знал, то ли злиться, то ли печалиться. Наконец мальчик сообразил: да ведь он же на чужой земле! Эти двое его языка не понимают.

– Я акиец, – объяснил он. – По-кефтийски не говорю.

И опять, стоило ему поднять взгляд, как обе девочки юркнули в хижину. Секунду помедлив, Гилас зашел следом.

И никого не увидел.

Хижина пустая! А ведь дверь тут одна, других выходов

нет. У Гиласа мурашки забегали по коже. Рука потянулась к амулету – львиному когтю на шее.

Сквозь солому просачивался тусклый серый свет. В воздухе стояло гнилое зловоние. И вдруг на койке у противоположной стены Гилас заметил тела двух девочек.

У Гиласа чуть сердце из груди не выпрыгнуло.

Одна из них на вид лет десяти, другая помладше. Волосы у обеих сбриты, кроме одной-единственной пряди на виске, а на шеех жуткие язвы. Вокруг тел детей клубится и клокочет темная дымка цвета пепла. Только это не просто облако: она живая.

Гилас с криком кинулся прочь из хижины.

Остальные уже бежали по мелководу к кораблю, а Перифас торопливо отвязывал канат от валуна.

– Где тебя носило?! – рявкнул он при виде Гиласа. – Уплываем отсюда, да поскорее! Мы трупы нашли!

– Я тоже! – выдохнул Гилас.

– Ты ведь их не трогал? – резко спросил Перифас.

– Нет, не трогал.

Рассказать про девочек Гилас не решился. Даже думать не хотелось о том, что они за существа.

«Духи невидимы», – сказал себе мальчик. И все же он их видел своими глазами.

– В шалаше мы наткнулись на три свежих трупа, – вполголоса сообщил Перифас. – Лица черные, по всему телу язвы!

– От чего они умерли? – спросил Гилас.

– От Чумы, – отрезал Перифас.

Те, кто слышал его ответ, побледнели.

У Гиласа голова шла кругом.

– М-может, Чума только на этом берегу, – прозаикался он. – Надо высадиться подальше...

– Ну уж нет, я туда не сунусь, – покачал головой Перифас.

– Тогда пойдем вглубь острова! Там есть горы, и мы...

– Давай-ка я тебе расскажу, что такое Чума, – перебил Перифас. – Эта зараза появляется там, где не хоронят мертвецов. Здесь именно так и вышло. Начинается все с лихорадки. Это Чума вьет гнезда в твоём теле. А вскоре эти гнезда раздуваются и превращаются в здоровенные язвы. А болят они так, что люди не умолкая орут во весь голос. Но Чуме до человеческих страданий и дела нет, знай себе размножается. Потом язвы лопаются, а боль становится настолько невыносимой, что бедняги с ума сходят.

Перифас закинул канат на борт корабля.

– Ну, а заканчивается дело только одним, – добавил он.

Люди побросали все дела и не сводили глаз со своего вожака.

А Гилас перевел взгляд с Перифаса на разоренный берег и на смутно видневшиеся вдали горы.

– Я должен остаться, – собравшись с духом, объявил мальчик.

– Да ты, видно, безо всякой Чумы обезумел, – рассердился Перифас. – Я-то думал, ты в Мессению рвешься, сестру

разыскать хочешь!

– Хочу, но... Боги привели нас не в Мессению, а сюда, на Кефтиу.

– Гилас, оглянись по сторонам! Твоим друзьям такое бедствие не пережить!

– Но если вдруг...

– По-твоему, девчонка и львенок уцелели? Тут кругом одни мертвецы! Останешься – сам покойником будешь!

Гилас облизнул губы.

– Пирра и Разбойница мои друзья. Это я их сюда отправил. А значит, не имею права их бросать.

– А мы как же? Или нас ты друзьями не считаешь?

Гилас окинул взглядом команду корабля. Они ребята суровые – все беглые рабы, как и он сам. Эти люди к таким лишениям привыкли, какие другим и не снились. Гиласу почти четырнадцать, на корабле он младше всех, и намного; и все же бывшие рабы относятся к нему с грубоватым добродушием. Семь месяцев они пытались добраться до Акии, но в Море то и дело натыкались на огромные плавучие острова из пемзы и сбивались с пути. Один раз сели на мель. Корабль потом чинили две луны. А теперь их занесло сюда, на Кефтиу.

Гилас поглядел на Перифаса, на его сломанный нос и карие глаза, видевшие слишком много зла. Перифас спас Гиласу жизнь, втащив его на борт корабля, отплывавшего с Талакреи. Когда-то Перифас был воином, и за зиму он научил

Гиласа всяким боевым премудростям. Да, пожалуй, их можно назвать друзьями.

Но Пирра – совсем другое дело. И Разбойница тоже.

– Я им нужен, Перифас. Они сюда попали из-за меня. Если есть хоть крошечная надежда, что они живы...

Перифас глянул на Гиласа сердито, как на чужого. Потом грязной рукой почесал бороду.

– Дело твое, – проворчал он. – А жаль. Хороший ты парень.

Собрался Гилас быстро. При нем уже были топор, нож, праща и кремьень, но теперь Перифас дал ему еще и бурдюк для воды, мешок с провизией и моток веревки.

– Пригодится, – с недовольным видом бросил он.

И вот Гилас уже стоял и смотрел, как корабль уплывает прочь по серому Морю. Мальчик глядел судну вслед, пока оно не скрылось из вида, и вот он остался совсем один: вокруг только стервятники да пробирающийся до костей ветер. Чужеземец в краю, где бушует Чума и бродят призраки.

«Да уж, глупо я поступил», – подумал Гилас.

А потом закинул мешок на спину и отправился искать друзей.

Гилас заметил на вершинах гор снег, да и здесь, на берегу, ощущается ледяное дыхание ветра, но сидящему перед ним маленькому приземистому существу холод нипочем. Слепленное из грязного воска, оно доходит мальчику до колена. Вместо волос – гнилая солома; глазки из красных камушков смотрят свирепо.

Перед отплытием Перифас предупреждал о них Гиласа:

– Они ловят Чуму, оттягивают ее от живых. Их называют гноеедами. Смотри не дотрагивайся до них.

Гилас бочком обошел гноееда, и тут в виске опять запульсировала тупая боль. Гилас потер шрам от ожога, полученного на Талакрее. Боль отступила, но уголком глаза Гилас заметил темные точки: они сплошь облепили гноееда и ползали по нему туда-сюда. Теми же черными точками были покрыты дети-призраки. Что это – Чума? Нет, Перифас не говорил, что ее можно вот так разглядеть.

Но с чего вдруг мальчик начал видеть духов? Спросить не у кого. За весь день он не встретил ни души: ни живой, ни мертвой. Справа на берег накатывает серое Море, а слева путь вглубь острова преграждают такие же серые холмы. На склоне темная полоса обломков служит мрачным напоминанием о ярости Моря.

Перифас сказал: надо день-два идти вдоль берега на запад, а потом повернуть вглубь острова, и тогда Гилас доберется до Дома Богини, где правит мать Пирры.

– Хотя кто знает, что там сейчас? Раньше вдоль всего берега тянулись деревни и лодочные сараи. А там, где мы сейчас стоим, и вовсе город был.

– Что такое «город»? – спросил Гилас.

– Это как деревня, только большая. В городах тысячи человек живут.

– Тысячи?!

– Гилас, Кефтиу – огромный остров. Меньше чем за два

дня не обогнуть. Ну хорошо, может, твои друзья и живы, только как ты их отыщешь?

Они с Перифасом разговаривали только этим утром, но уже казалось, будто тот уплыл давным-давно. Гиласа мучили и одиночество, и страх, и холод. Жаль, что у него нет одежды потеплее, а то в безрукавке из овчины руки мерзнут, а на коленях штанов дырки.

Тут Гилас что-то заметил впереди: из-за горного уступа поднимался дым. Вытащив нож, Гилас подкрался поближе и выглянул из-за большого камня. Мальчик глазам своим не поверил.

Внизу, на берегу залива теснятся самодельные хижины, а между ними снуют туда-сюда люди. Будто не замечают, какое вокруг опустошение! Некоторые что-то мешают в огромных котлах, над варевом поднимается пар. Остальные склонились над каменными чанами, вырубленными в скале. На мелководе покачиваются лодки, и кое-кто из здешних жителей выгружает из них мокрые корзины. Но еще удивительнее видеть, как женщины стоят возле козел для сушки и развешивают целые охапки сырой шерсти самых невероятных цветов: алого, желтого, синего, фиолетового. Среди окружающей серости яркие пятна будто сияют.

Вдруг в лицо Гиласу ударил порыв ветра, а вместе с ним – вонь от мочи и гниющей рыбы. Даже глаза заслезились. Тут потрясенный Гилас сообразил: да это же красильщики! Вот только кому придет в голову красить шерсть, когда на

острове Чума?

Гилас ломал голову: что делать? Спуститься туда и попросить этих людей приютить его или обойти их поселение стороной? Но тут по валуну у него над головой ударил камень. Гилас сразу понял: это уловка, кто-то отвлекает его внимание. Он развернулся и отскочил в сторону, но слишком поздно. И вот на шее плотно затянули петлю, нож выбили из рук, вдобавок на пленника со всех сторон нацелили острые накопечники.

– Клянусь, я не вор! – выпалил Гилас.

Люди, захватившие его в плен, что-то кричали мальчику на кефтийском, размахивая острогами и огромными двойными топорами из потускневшей бронзы.

Всего их десять человек. На приземистых безбородых мужчинах оборванные туники из овечьих шкур. Голые руки и ноги покрыты странными фиолетовыми пятнами. Лица тоже фиолетовые, а еще от них всех одинаково воняет мочой и гнилой рыбой. Гилас в жизни таких людей не встречал.

Один из них выхватил из-за пояса мальчика топор, а потом пленника погнали вниз, к хижинам. Руками Гиласа не трогали, подталкивали копьями: видно, Чумы боялись.

Без умолку крича на своем причудливом птичьем наречии, мужчины остановились возле самого большого жилища, и в дверях показалась старуха. «Должно быть, она в этой деревне староста», – пронеслось в голове у Гиласа. Необъятно толстая, укутана в несколько слоев грязных серых лох-

мотьев. Пористое лицо все в фиолетовой краске, на голове несколько сальных прядей волос. Единственный серый глаз затянут пеленой. Вот он пугающе завертелся из стороны в сторону, потом остановился на Гиласе и пронзил пленника суровым взглядом.

Один из мужчин указал на татуировку на предплечье Гиласа: черный зигзаг, клеймо раба Воронов. Зимой Гилас сам вытатуировал под ним еще одну линию: хотел переделать зигзаг в лук.

Но старуху не проведешь.

– Откуда здесь взялся шпион Воронов? – хрипло спросила она по-акийски.

– Я не Ворон! – переводя дух, выговорил Гилас. – И не шпион! Я...

– Шпионов Воронов мы топим. Они у нас на корм морским улиткам идут.

– Да я их сам ненавижу! Я просто ищу свою подругу! Ее зовут Пирра, она дочь Верховной жрицы Яссассары.

Женщина фыркнула:

– Станет Пирра дружить с отребьем вроде тебя!

Приказным тоном рявкнув что-то на кефтийском, она мотнула головой, и мужчины потащили Гиласа к Морю.

– Не верите – докажу! – прокричал мальчик. – Пирра выросла в Доме Богини, она мне рассказывала, какой он громадный... Там ритуалы проводят, быки несутся на мужчин, а они через них перепрыгивают...

– Это каждому известно, – презрительно усмехнулась женщина.

Гиласа тащили среди зловонных горок из давленных морских улиток, мимо треугольных рыболовных корзин с приманкой – гнилой рыбой. Неужели Гиласа тоже на приманку пустят?

– Пирра терпеть не могла Дом Богини! – прокричал мальчик, оборачиваясь через плечо. – Называла его каменной тюрьмой! Ее мать хотела заключить торговый договор с Воронами и, чтобы его скрепить, собиралась выдать Пирру за муж, но она нарочно обожгла себе лицо, чтобы сорвать помолвку! У Пирры на щеке шрам в форме полумесяца...

– Это тоже все знают, – прокричала в ответ женщина.

– Вы не можете так со мной поступить! – надрывался Гилас. – Я на вашей земле гость, а законы богов запрещают убивать чужестранцев!

– Боги покинули Кефтиу, – прорычала женщина. – Законы здесь устанавливаю я!

А между тем Гиласа затащили на мелководе, в ледяную воду, и пинками поставили на колени. Холодные волны плескали ему в лицо. Клыки трезубца обхватили его шею, пригибая Гиласа все ближе к воде.

И тут мальчику вспомнился один разговор с Пиррой.

– Она носила тунику, окрашенную кефтийским пурпуром! – выпалил Гилас. – Пирра рассказывала, что пурпур делают из толченых морских улиток, и он стоит дороже золота!

Женщина выкрикнула приказ, и трезубец перестал давить на шею. Переводя дух, пленник торопливо вскочил.

– Об этом тоже многим известно, – сухо бросила она. – Хочешь жить – придумай что-нибудь поубедительнее.

– Она... э-э... Пирра как-то мне сказала, что на всем Кефтиу только два таких одеяния. Но второго никто не видел, потому что оно принадлежит Яссассаре. Его шили в секрете от всех, и она надевает его, только когда проводит тайные ритуалы.

Молчание. Серые волны накатывали на бедра Гиласа, будто Морю не терпелось его поглотить.

– Эту шерсть красила я, – объявила женщина. – При свете Луны. Это строгий секрет. Откуда ты о нем знаешь?

– Говорю же – Пирра рассказывала!

Еще один приказ, – и Гиласа вытащили обратно на берег. С его шеи сняли петлю, остроги убрали. Кто-то бросил ему топор и нож.

Старуха откашлялась и выплюнула на камни сгусток фиолетовой слизи. Затем повернулась и, тяжело переваливаясь, поковыляла к хижине.

– Яссассары больше нет в живых, – бросила она через плечо.

Гилас вздрогнул:

– А Пирра?..

– Заходи, поговорим.

Маленькая львица слышала на горном гребне крики воронов и поспешила туда. Где вороны, там и туши, а она очень проголодалась.

На горе глубоким слоем лежало Белое-Мягкое-Холодное, и когда львица наконец с трудом добралась до вершины гребня, вороны оставили одни кости. Она погрызла их, но есть все равно хотелось.

Маленькая львица всегда ходит голодная. Давным-давно люди привезли ее в эту страшную землю теней и призраков. Она хорошо помнит, как в ужасе спасалась бегством, когда Гигантский Серый Зверь с ревом набросился на сушу и растерзал берег. А потом повсюду валялись горы тел – собак, овец, коз, рыб, людей, – а над ними кружили стервятники. Маленькая львица боролась за свою долю, но люди прогнали ее, пригрозив ей своими длинными блестящими когтями.

Львица сбежала в горы, потому что привыкла к ним, но те оказались совсем не похожи на огненную Гору, где она жила со своим прайдом. Ни одного льва, только замерзшие деревья, Белое-Мягкое-Холодное, голодные звери, люди в лохмотьях и привидения.

Теперь она живет в земле теней. Когда маленькая львица садится и смотрит Вверх, там не видно Великого Льва, чья грива сверкает золотом, когда Светло, и серебром, когда Темно. Хотя настоящего Света здесь не бывает: в перерывах между Тьмой появляется только серый Не-Свет.

Маленькая львица привыкла к Не-Свету, он помогает ей прятаться от людей, но чем дольше длятся Тьма и Не-Свет, тем сильнее кусается холод. Дыхание львицы превращается в дымку, вокруг не осталось ни капли влаги, пить стало нечего, и приходится ей жевать Белое-Мягкое-Холодное. Она приучилась заползать в пещеры, едва услышав завывание белого ветра, а ее шерсть стала расти гуще и свалялась от грязи. Но так даже теплее. Все равно маленькая львица слишком

голодна и напугана, чтобы вылизываться.

А потом случилось страшное: у нее начали выпадать зубы. Львица пришла в ужас, но потом на их месте стали резаться новые. Было больно, зато сейчас ее зубы больше и крепче старых: она может одним укусом разорвать замерзшую тушу. Да и сама маленькая львица теперь не такая уж и маленькая. Когда она становится на задние лапы, чтобы поточить когти о дерево, передние лапы достают гораздо выше, чем раньше.

Здесь, в горах, мертвого не так много, как на берегу, поэтому маленькая львица не только ищет падаль, но и пытается охотиться. Сначала получалось плохо: она нападала слишком рано или терялась, не зная, за которой добычей гнаться. Но наконец ей повезло, и ударом лапы она сбила с дерева белку. Эта белка стала ее первым трофеем. Как жаль, что никто не видел!

В горах хуже всего одиночество. Иногда маленькой львице становится так грустно, что она сидит и протяжно мяукает, жалуясь Небу. До чего же ей не хватает тепла! Потереться бы сейчас о чью-нибудь морду! Она с тоской вспоминала, что раньше спала без страха: еще бы, ведь вокруг достаточно ушей и носов, чтобы вовремя предупредить ее об опасности!

Раздался трескучий крик сойки: это самец звал самку. А с вершины горного гребня донесся гомон стервятников. Маленькая львица с трудом стала пробираться к ним через Белое-Мягкое-Холодное.

Стервятники не поделили мертвую косулю. Маленькая

львица еще не умеет реветь, поэтому она кинулась на них, рыча как можно громче и размахивая когтистыми лапами. Приятно смотреть, как птицы взлетают, хлопая крыльями! Самец косули еще теплый. Разорвав ему брюхо, маленькая львица села есть.

Но не успела она и кусочка проглотить, как из-за деревьев выскочили двое мужчин. Они с криками размахивали длинными сверкающими когтями.

Маленькая львица кинулась наутек: вниз, в овраг, потом вверх по камням. Дороги она не разбирала – лишь бы убежать. Остановилась она, только когда пропала эта мерзкая человеческая вонь.

Маленькая львица боится и ненавидит всех людей. Ведь именно эти существа в жутких, развевающихся за плечами шкурах и со свирепыми собаками убили ее маму и папу, когда она была маленькой. А потом люди привезли ее на спине Гигантского Серого Зверя в эту холодную землю призраков.

Но так львица жила не всегда. Давным-давно, когда она еще была маленькой, появился один мальчик. У нее в лапе застряла колючка, а он вытащил ее своими тонкими ловкими отростками на передних лапах, а потом помазал ранку грязью, и все зажило. Мальчик заботился о маленькой львице и давал ей мясо. Она помнит его спокойный, уверенный голос и тепло его гладких, лишенных шерсти боков. Помнит, как невероятно долго он спал и как сердился, когда она прыгала ему на грудь, чтобы разбудить.

А потом появилась еще и девочка. Она относилась к маленькой львице по-доброму (кроме того случая, когда львица бросилась ей под ноги, и та споткнулась). Свет несколько раз сменился Тьмой, и они стали прайдом: мальчик, девочка и маленькая львица. Да, счастливое время! Маленькая львица вспоминает, как они шумно возились, играя в охоту, и как люди издавали лающие смешки, когда она на них насакивала. Не забыла маленькая львица и волшебный мячик из стеблей: он летал без крыльев и бежал вниз по склону без ног. Мяса всегда хватало, она терлась о людей носом, и ей было тепло...

Вдруг с ветки соскользнул кусок Белого-Мягкого-Холодного и плюхнулся прямо на маленькую львицу. Она устало отряхнулась.

Вспоминать о мальчике грустно, потому что в это ужасное место ее отправил он. Друг ее покинул.

Маленькая львица принялась, потом побрела вперед между холодными бесчувственными деревьями.

Больше она людям доверять не будет. Никогда и ни за что.

– Ты говоришь на акийском, – осмелился произнести Гилас.

Он стоял в полумраке хижины и весь дрожал.

– Еще бы я на нем не говорила! – резко бросила одноглазая старуха. – Я ведь родом из Акии. Меня зовут Горго. А тебя как?

– Блоха, – соврал Гилас.

– Говори настоящее имя.

– Э-э... Гилас.

Горго опустилась на скамью возле большого очага и разложила на коленях огромный живот. Старый пастуший пес с трудом поднялся на ноги и захромал к хозяйке, виляя хвостом. Та взяла ведро, плеснула в глиняный черепок молока и замерла, глядя, как собака его лакает.

– Ну, что встал? – вдруг рывкнула Горго.

Гилас не сразу сообразил, что она обращается к нему.

– Подкорми огонь и садись, – приказала она. – Чумы у тебя нет, это сразу видно, да только если не обсохнешь, все равно помрешь.

Мальчик добавил в огонь сушеные коровьи лепешки, потом вылил из сапог морскую воду и подсел к огню как можно ближе: еще немного, и обжегся бы. В хижине оказалось темно и тесно. Гилас постарался не обращать внимания на запах мочи и гнилой рыбы.

Горго подняла усеянную пятнами фиолетовую лапищу и почесала щетину на подбородке. Ее затуманенный серый глаз обвел взглядом всю хижину, потом впился в Гиласа.

– Значит, ты был в рабстве у Воронов.

Гилас кивнул:

– В шахтах на Талакрее.

Горго фыркнула:

– Говорят, там все и началось. Вороны копали слишком глубоко и разгневали богов. Из-за них Солнце пропало. Та-

кой холодной зимы, как прошедшая, никто не помнит, а весна и вовсе до сих пор не наступила.

Гиласу не терпелось спросить про Пирру, но мальчик прикусил язык. Он чувствовал: старуха все расскажет, только когда сама захочет, и не раньше.

– Что у вас здесь стряслось? – спросил Гилас. Зубы у него клацали от холода. – Я ни разу не был на Кефтиу, и...

– Да, не в лучшее время тебя к нам занесло, – произнесла Горго.

Ткнув пальцем в пустую глазницу, она как следует ее почесала.

– Сначала Великое Облако закрыло Солнце, и посыпался пепел. Потом пришла Великая Волна, – стала рассказывать помрачневшая Горго. – Говорят, некоторые просто стояли столбом и глядели. Другие кинулись наутек. Но волна настигла всех. Она мчалась быстрее скачущей лошади. Сама-то я всего этого не видела. Мы повезли вглубь острова груз шерсти, чтобы его взвесить. Вот уж удача так удача, а то потонули бы.

Горго взяла палку и поворошила угли в очаге.

– Сыновья рассказывают, мертвечиной смердело так, что не продохнуть, но тут уж им виднее. – Горы жира старухи затряслись от смеха. – Я с рождения запахов не чую, – пояснила она и сплюнула, едва не попав в собаку. – После первого дождя из черного пепла их выпало еще много. А примерно одну луну назад пришла Чума и ударила в самое сердце Кеф-

тиу. Яссассара приказала всем покинуть Дом Богини. Тем, кто живет в одном дне езды верхом от него, тоже пришлось уйти. И деревни, и хозяйства – все опустело. Яссассара велела всем уходить в западные поселения, и вернуться людям разрешат, только когда жрецы объявят, что Чума отступила.

Гилас нервно сглотнул:

– А я как раз ищу Дом Богини.

– Ты что, глухой? Нечего там делать, в Доме Богини никого нет! Верховная жрица собиралась совершить Мистерию, изгнать Чуму и вернуть Солнце. Ха! – Еще один резкий смешок. – Но Чума ее раньше одолела.

Гилас был потрясен до глубины души. Яссассару он видел всего один раз, но власть исходила от этой женщины, будто жар от углей. Как же она дала Чуме себя побороть?

– Ошарашила я тебя, да? – сухо уточнила Горго. – Этого тут никто не ожидал. Даже сама Яссассара. Говорят, когда она еще была жива, велела отнести себя в гробницу. Приказала жрецам очистить Дом Богини при помощи серы, а потом запереть его. Вот с тех пор он и стоит пустой. Да и в остальных частях Кефтиу дела обстоят ненамного лучше. Великая Волна погубила многих прибрежных жителей, а Чума прикончила половину выживших. Жрецы трудятся не покладая рук: то баранов в жертву приносят, то быков, но ничего не помогает. Уцелевшие сейчас отсиживаются на западе, кое-кто в Горах прячется. – Горго фыркнула. – Ну а раз мертвецов хоронить некому, от призраков спасу нет – повсю-

ду бродят. Умершие разгневаны: еще бы, подходящие ритуалы проводить некому, отнести покойников в гробницу, чтобы лежали вместе с родней, – тоже...

Гилас насторожился:

– Вы видите призраков?

Горго сердито зыркнула на него:

– Нет, конечно! С чего ты взял?

Но Гилас уклонился от ответа.

– Почему вы тоже не уйдете отсюда? Разве вы не боитесь Чумы?

И снова монументальное тело Горго затряслось от смеха.

– От красильщиков так смердит, что нас даже Чума обходит стороной! Люди держатся от нас подальше, мы всегда жили на отшибе. Ну а теперь, когда в Море столько гнилого мяса, почему бы не остаться на прежнем месте? В жизни такого обильного урожая морских улиток не видели! Да и шерсти нынче полным-полно: заблудившиеся овцы так и бродят по округе, бери любую. – Горго шлепнула себя по животу. – А ты думал, почему я такая жирная?

– Но кто будет покупать у вас шерсть?

– Знаешь что? – сердито бросила Горго. – Если Солнце так и не выйдет, урожая не будет, и тогда нам всем конец. Ну а если Оно вернется, дела пойдут на лад, и мы разбогатеем. Как все сложится, мы не знаем, но работаем как обычно.

Гилас поднес руки к огню. Над туникой начал подниматься пар.

– Почему Кефтиу пострадал сильнее, чем другие острова?

– Из-за Яссассары! – рявкнула Горго так свирепо, что ее пес прижал уши, а один из сыновей старухи заглянул в хижину.

Гилас сидел тихо как мышь, дожидаясь, когда Горго успокоится.

– Сам же знаешь – Яссассара хотела заключить договор с Воронами, – прорычала старуха, взмахом руки прогоняя сына. – Вот почему, когда боги обрушили на них кару, разнеся Талакрею в пух и прах, они наказали и нас тоже. Яссассара ведь и сама понимала, что навлекла на Кефтиу несчастье. Оттого и готовилась провести Мистерию, чтобы искупить свою вину.

Тут Гилас набрался смелости и спросил:

– А где Пирра?

Глаз Горго помутнел, будто у змеи перед тем, как та сбрасывает кожу. И вдруг Гилас понял, что старухе известно гораздо больше, чем она хочет показать.

– Мне-то откуда знать? – бросила та. – А теперь хватит задавать вопросы. Рассказывай, как Чужак из Ликонии попал на Кефтиу.

Гилас напрягся:

– Почему ты решила, что я Чужак?

Горго секунду помедлила.

– Других людей с желтыми волосами я не видела – такие только у Чужаков бывают.

Гилас задумался, в чем признаться, а о чем умолчать.

– Я раньше пас коз. Вороны напали на нас и убили моего пса. Моя младшая сестра пропала. Это случилось... – Тут у Гиласа даже дыхание перехватило. – ...Почти два года назад.

Горго подозрительно прищурила глаз:

– Почему они на тебя напали?

– Не знаю.

На самом деле Гиласу это прекрасно известно. Вороны хотели убить его, потому что Оракул предсказала: если кинжал рода Короносов окажется в руках Чужака, их дом падет. Но Гилас рассудил, что незнакомой женщине об этом лучше не рассказывать.

– Как зовут твою сестру? – вдруг спросила Горго.

– Что?.. Исси.

Горго опять почесала щетинистый подбородок.

– Ну и как, нашел ты ее?

– Нет. Кажется, она в Мессении. Если... если она, конечно, жива.

– В Мессении? – Взгляд Горго стал задумчивым: старуха погрузилась в глубины памяти. – Давненько я не слыхала этого названия.

Пес положил морду ей на колени, но Горго его не замечала.

– Скоро стемнеет, – вдруг резко бросила она. Старуха уставилась в очаг, будто обращалась к огню. – Даю тебе времени до ночи, чтобы уйти на расстояние полета стрелы от

моей деревни. И чтобы больше я тебя здесь не видела.

Гилас опешил:

– Ты меня отпускаешь?!

Засунув руку под скамью, старуха вытащила сплетенный из травы мешочек и кинула ему.

– Тут мелкопестник и сера. Если повезет, помогут отогнать Чуму.

– Спасибо, – робко произнес Гилас.

Горго едва не испепелила его взглядом.

– Не смей меня благодарить! – взревела она. – Проваливай и больше не возвращайся!

Гилас во весь опор неся прочь из деревни, и тут Горго прокричала ему вслед:

– Ты про дочку Яссассары спрашивал! Я слыхала, ее в Горы увезли, в Така Зимми! Только давно, сразу после Великой Волны – с тех пор много лун миновало! Говорят, там Чума бушует, да вдобавок по лесу какое-то чудище бродит! Девчонки уж, верно, в живых нет!

Пирра стоит на борту корабля и кричит Гиласу:
– Ненавижу тебя! Никогда тебе этого не прощу!

Судно отплывает, мальчик скрывается из вида, а она все кричит.

Но вот плавание подходит к концу, корабль причаливает к берегу Кефтиу, и Пирра наблюдает, как моряки тащат на берег клетку с Разбойницей. Вид у маленькой львицы пере-

пуганный и несчастный. Ее всю дорогу укачивало, к тому же она стерла себе лоб, пытаясь вырваться из клетки, но Пирра не решалась ее выпустить: вдруг прыгнет за борт?

Не успели они сойти на берег, как случилось страшное: Море начало отступать.

Пирра глазам своим не верит: на месте воды остаются только блестящие холмики водорослей и беспомощно бьющаяся на дне рыба. И тут капитан вспоминает историю былых времен и во весь голос предупреждает остальных:

– Сейчас Море нападет на нас! Бегите! Забирайтесь повыше!

Моряки в панике кидаются наутек, Усерреф тащит Пирру к скале. Разбойница в клетке так и остается на камнях. Пирра кричит морякам, чтобы выпустили маленькую львицу, но Усерреф крепко держит ее за руку, а Великая Волна с ревом несется на них, занеся огромные белые когти...

И тут Пирра проснулась.

Она у себя в постели в Така Зимии. В ее комнате тепло: угли потрескивают в жаровне, девочка плотно укутана овечьими шкурами. Пахнет горькой полынью: Усерреф жжет ее, чтобы отогнать Чуму. Вдалеке шумит водопад и журчит вода, собираясь в резервуар под святилищем. Но сон не дает Пирре покоя. Особенно эта пугающая тишина, когда Великая Волна отхлынула.

Пирра плотно зажмурилась. Она не видела, как Разбойницу смыло в Море. Вдруг кто-нибудь отпер клетку, и малень-

кая львица успела убежать?

Мысли Пирры ходят по одному и тому же кругу: она то горюет из-за Разбойницы, то никак не может прийти в себя после того, что произошло с матерью, то злится и беспокоится из-за Гиласа, – но больше все-таки злится.

Наконец бешеное сердцебиение унялось, и Пирра заметила, что сжимает в кулаке мешочек для амулета. Внутри хранится соколиное перо: Гилас подарил его Пирре два лета назад. Соколы – птицы Богини, но Пирра любит их не за это. Ей нравится, что они наслаждаются свободой, которая для нее под запретом. В свое время этот подарок Гиласа много для нее значил.

Но теперь все по-другому.

* * *

Всю зиму Пирра мысленно с ним ссорилась.

– Я же сказала, что на Кефтиу умру, а ты меня все равно туда отправил!

– Я спасал тебе жизнь, – возражал Гилас у нее в голове.

– С этим я бы и сама справилась! Не посади ты меня на тот корабль, нашла бы другой. Может, даже села бы на твой и сейчас жила бы на воле! А вместо этого меня посадили под замок на веки вечные, и все по твоей вине!

– А про меня ты подумала? – спрашивал воображаемый Гилас. – Что, если Великая Волна меня утопила, и ты сейчас

споришь с призраком?

* * *

И так без конца.

Вдруг Пирра не выдержала. Резким движением открыв мешочек, она достала потрепанное перышко. Пирра сберегла его и от огня, и от воды. Но больше оно ей не нужно. Пришло время раз и навсегда выкинуть мысли о Гиласе из головы!

Пирра торопливо натянула шерстяные штаны, тунику из меха выдры с длинным рукавом и сапоги из телячьей кожи с подкладкой из овечьей шерсти, потом набросила на плечи плащ из шкуры лисицы. Сняв шерстяную нитку, которой были стянуты ее волосы, Пирра отыскала маленькую каменную лампу и привязала к ней перо Гиласа, чтобы не улетело. Потом тихонько выскользнула из своих покоев.

В храме лампы сияли перед бронзовыми фигурами Бдящих: они возносят Богине молитвы на языке металла, пока поклоняющиеся Ей люди спят. Пирра прижала кулак ко лбу, поклонилась и крадучись выскользнула на крыльцо.

Тут Пиррой овладело уныние: впрочем, так всегда бывает, стоит ей взглянуть на небо. Хотя сейчас ночь; ни Луны, ни звезд не видно. Мир окутан Великим Облаком. Они все будто заперты в гробнице.

Храм Така Зими расположился на выступе Горы Дикти

высоко, будто орлиное гнездо: задняя стена прилегает к каменному склону, перед фасадом зияет пропасть. Храм представляет собой вытянутое узкое здание, разделенное на четыре части: в одной части покои Пирры, за ними святилище, дальше две комнаты: одна для Усеррефа, вторая для ее рабыни Силеи, которую Пирра терпеть не может, а внизу подвал и резервуар для воды.

Перед святилищем заснеженный дворик, обнесенный массивными каменными стенами высотой в двадцать локтей. В дальнем конце дворика караульное помещение, в одном углу тяжелые ворота, запертые на засов, а в другом по каменным колышкам, торчащим из стены, можно подняться на продуваемый всеми ветрами наблюдательный пост, где потрепанный старый можжевельник отчаянно цепляется за жизнь на краю пропасти.

На стенах между рогами каменных быков горят факелы, но в караульном помещении темно. Слышно только грохот водопада да свист поземки.

Однообразные прогулки во дворике и жалкие попытки побега – вот и все ее здешние развлечения. Убедившись, что Силея занята, Пирра прокрадывалась в комнату рабыни и ногой отбрасывала в сторону коврик, скрывавший вход в подвал. И там, внизу, в холодном мраке, Пирра рубила стену, внутри которой труба несла воду из горного потока в подвальный резервуар. За зиму Пирра сумела выковырять только один камень. Образовалась дыра размером с ее кулак.

– Это ты виноват, Гилас, – прошептала девочка. – Я здесь из-за тебя.

Перебежав через двор, она поднялась по колышкам к наблюдательному посту. Завывающий ветер тут же швырнул в нее горсть снега, и Пирра схватилась за ствол можжевельника, чтобы не потерять равновесие. Свободной рукой она сжимала лампу, к которой привязала перо. Осталось только ее бросить, и тогда больше она подарок Гиласа не увидит.

Где-то каркнул ворон, невольно напомнив Пирре о Ворогах и их воинах на Талакрее. Они все благополучно спаслись. Но знают ли Вороны, что их драгоценный кинжал украли Пирра?

Гилас не дал ей шанса рассказать ему об этом: просто безо всяких разговоров запихнул на корабль. Ну и пусть думает, что кинжал у Воронов. Так ему и надо.

– Оставь меня в покое, Гилас, – пробормотала Пирра.

Набравшись храбрости, девочка подобралась к краю пропасти как можно ближе.

– Пирра, ты что творишь? – раздался голос Усеррефа.

От ужаса он прирос к ступенькам храма.

– Да так, кое-что ненужное выбрасываю! – прокричала в ответ Пирра.

Размахнувшись, она швырнула лампу в пропасть, и ветер закружил ее в своем водовороте.

– Готово! – объявила Пирра. – Все, Гилас, больше у меня от тебя ничего не осталось!

– Ты же обещала, что не будешь туда лазить, – с укором произнес Усерреф.

Он успокоил разбуженных криками стражников и проводил Пирру до ее комнаты.

– Нет, слова я не давала, – возразила Пирра.

– Госпожа, как вы могли? – накинулась на нее Силея.

На пухлом лице девушки недовольная гримаса, но на самом деле Силея любит, когда Пирре попадает.

– Силея, иди отсюда, – процедила девочка.

– Я бы с радостью, – пробормотала рабыня.

Силея солгала: ей нравится в Така Зимии. Чумы здесь можно не бояться, да и работы почти никакой: знай строй глазки стражникам.

– Говорят тебе – уходи! – приказала Пирра.

Выразительно закатив глаза, Силея скрылась за дверью.

Усерреф устремил на Пирру проницательный взгляд.

– Что ты сейчас выбросила? Соколиное перо? Подарок от Гиласа?

Тут Пирра накинулась на египтянина.

– Сколько раз повторять – не произноси больше его имени! Это приказ! Может, ты забыл, но ты все еще мой раб, и Силеи это тоже касается!

Повисло напряженное молчание. Усерреф скрестил руки на груди и сердито уставился на огонь в жаровне. Пирра схватила свое бронзовое зеркало и устремила такой же угрюмый взгляд на собственное отражение. От холода шрам про-

ступил на щеке синеватым полумесяцем. Когда Пирре было двенадцать, она обожгла себе лицо нарочно, чтобы ее не выдали замуж, но теперь ей почти четырнадцать, и она ненавидит эту отметину. Что только Пирра не пробовала, чтобы свести шрам! Но ни одно средство не помогло.

Вид у Усеррефа несчастный. Он очень переживает, когда выходит из себя. Тут Пирра ощутила прилив нежности. Усерреф для нее – все равно что старший брат, которого у нее никогда не было.

Несмотря на холода, Усерреф по-прежнему бреет голову наголо в знак траура: бедняга тоскует по любимой родине, Египту. А еще рисует на веках черные полосы – так он надеется вернуть Солнце. Исчезновение светила Усерреф переживает еще тяжелее, чем кефтийцы: ежедневные перерождения Солнца управляют всей жизнью египтян.

– Извини, – пробормотала Пирра.

Красивое лицо Усеррефа тут же озарилось улыбкой.

– Ничего страшного, я тебя понимаю. Во всем виновато это кошмарное место.

Заснеженная гора привела Усеррефа в ужас. В первый день в Така Зимы он воскликнул:

– От этого вашего снега никуда не скроешься, он повсюду! Вдобавок какой-то демон заколдовал мое дыхание, и оно превратилось в дым!

Ох и намучилась Пирра, уговаривая его надеть теплые вещи! Усерреф ни в какую не желает притрагиваться к шерсти:

он считает овец нечистыми. Наконец Пирра его убедила, и теперь он носит льняную тунику и штаны, подбитые гусиным пухом, плащ из заячьей шерсти и сапоги из овчины, набитые сеном.

Тут Пирра заметила мешок на его плече.

– Куда собрался? – спросила она.

– В деревню, за полынью.

– Возьми меня с собой, – взмолилась Пирра.

Усерреф вздохнул:

– Сама же знаешь – не могу. Я дал слово твоей матери.

Пирра оказалась застигнута врасплох. Она терпеть не может, когда Усерреф вспоминает Яссассару.

– Верховная жрица умерла, – ничего не выражающим тоном произнесла Пирра.

– А значит, воля Яссассары священна.

– И долго нам ее исполнять? По-твоему, я всю жизнь должна просидеть здесь, взаперти?

– Ответ тебе прекрасно известен. Мы уйдем отсюда, когда Солнце вернется и прогонит Чуму.

– А вдруг этого не случится никогда?

– Твоя мать отправила тебя сюда, чтобы защитить от опасностей. А теперь, когда она скончалась, жрецы...

– Ей не было до меня дела, а им тем более! – не выдержала Пирра. – Они меня берегут только по одной причине: хотят повыгоднее продать жениху, когда все вернется на круги своя!

Усерреф направился к двери, но Пирра кинулась за ним.

– Усерреф, ну пожалуйста! Можно я хотя бы за ворота с тобой выйду? Я не убегу! Куда мне идти? Вокруг одни горы и снег!

– Пирра...

– Я всю зиму только и знала, что слонялась по двору храма! Видеть его больше не могу!

– Нет, Пирра, нельзя! Я поклялся твоей матери!

– Моя мать умерла! Умерла! Умерла!

Тут оба растерянно умолкли. Пирра скрестила руки на груди и повернулась к Усеррефу спиной. Пирра ненавидела свою мать, но смерть Яссассары потрясла ее до глубины души.

Пирре до сих пор не дает покоя их последний разговор.

– Ты сбежала, – холодно произнесла Яссассара. – Презрела свой долг перед Кефтиу.

Пирра хотела ответить, что на Талакрее она рисковала жизнью, чтобы спасти родной остров, но Яссассара не желала ее слушать. В тот день Пирру изгнали в Така Зимы, и больше она свою мать не видела. Теперь Пирре никогда не добиться того, чтобы Яссассара ею гордилась. Слишком поздно.

Поглядев на Усеррефа, Пирра заметила, что он задумчиво за ней наблюдает.

– У вас больше общего, чем ты думаешь, – заметил он. – Ты такая же смелая и целеустремленная.

Пирра вздрогнула. Гилас когда-то сказал ей почти то же самое: «Ты смелая и никогда не сдаешься».

Сердито фыркнув, Пирра ткнула кулаком в стену. Хватит вспоминать Гиласа.

– И вот еще что, Пирра, – произнес Усерреф, уже стоя в дверях. – Перо – символ Херу, на моей родине так зовут бога с соколиной головой. От пера сокола так просто не избавишься.

– Ты о чем? – проворчала Пирра.

– Ты пустила перо по ветру. Кто знает, что ветер принесет в ответ?

Она помнит Яйцо. Помнит, как сидела, скорчившись внутри так, что ножки касались клюва. Она ни единым коготком шевельнуть не могла. Ужасно неприятное ощущение!

И все же она двигалась, как могла. Вывернув голову, клевала скорлупу, переводила дух и клевала снова, – но вот наконец Яйцо треснуло, и она очутилась на свободе.

Видеть она еще не могла, но чувствовала присутствие дру-

гих пушистых птенцов, а сверху – теплые перья на животе мамы. Пахло птичьим пометом, ветками и камнями. Она слышала пронзительные крики папы и мамы и свист воздуха.

Ей очень хотелось есть. Она толкала и топтала ногами своих братьев, лишь бы поскорее добраться до мяса. Папа и мама засовывали еду ей прямо в клюв.

Она стала сильнее. Обретя способность видеть, она в первый раз выкарабкалась из Гнезда и принялась исследовать Каменный Карниз. Малышка клювом дергала братьев за хвосты и наблюдала, как медленно движутся наземные создания в лесу далеко внизу.

Она научилась делать так, чтобы ее зрение становилось острее: для этого надо поднимать и опускать голову. Вскоре она уже могла уследить за тремя снежинками одновременно.

Ей очень нравились все яркие цвета: вот красно-золотистый орел, а вот блестящие мухи. Но если мимо летит ворона, и ее оперение отсвечивает зеленым, фиолетовым и черным, когти надо держать наготове, потому что вороны – враги соколов: эти птицы воруют у них яйца.

Свет несколько раз сменил Тьму, и по всему ее телу выступили непонятные бугорки, которые вдобавок еще и чесались. Ох и злилась же она! А потом у нее выпал пух, и из бугорков выросли перья.

Она пришла от них в восторг. Белые, коричневые, розовые, серые, голубые, некоторые в крапинку, и все одинаково гладкие и блестящие! Она научилась их чистить. Когда про-

водишь по ним клювом, раздаётся приятный звук «з-з-зт». Теперь, глядя, как мама и папа парили на крыльях Ветра, она им завидовала. Ей тоже хотелось подняться в Небо.

Оно всегда меняется: то темнеет, то светлеет. Когда Светло, птицы чувствуют, что за облаками скрывается что-то огромное и мощное. Жаль, что оно не показывается.

Но больше всего она мечтала летать. Она хлопала крыльями, пока не выбивалась из сил, но ничего не получалось. А однажды, когда было Светло, она хлопала, хлопала и хлопала, и вдруг Ветер подхватил ее и приподнял над Карнизом. И на один быстрый взмах крыла она почти полетела!

Вдруг Ветер уронил ее, и она упала с Карниза. Падала она невероятно долго, но от страха даже пискнуть не могла. Она приземлилась в снег. Сердитая и униженная, она с трудом поднялась и стала звать маму и папу, но те улетели охотиться и не слышали ее криков.

Малышка испуганно оглядывалась по сторонам. Ей не место на земле, она же не зверь! А Карниз высоко-высоко наверху, и до него никак не добраться.

Она поползла по снегу, надеясь, что Ветер опять ее подхватит. Но вместо этого она поскользнулась и несколько раз перекувырнулась через голову.

Она упала на пяточок голой земли, рядом с ямкой, вокруг которой кишмя кишели муравьи. Она клюнула одного. На вкус он оказался кислым, и она его выплюнула, но остальные муравьи разозлились и стали кусать ее за ноги. Целая толпа

муравьев взбиралась по ее ногам и кусала между перьями. Она захлопала крыльями и испуганно закричала.

Тут земля затряслась, и огромное наземное чудовище загрозило Небо. Существо подхватило ее на руки и принялось снимать с нее муравьев. Голос у него был низкий и негромкий, будто звуки далекой реки. Почему-то на малышку он подействовал успокаивающе. «Человек», – подумала она. Это человек.

Сняв с нее всех муравьев, человек посадил ее в теплое, темное гнездо. На нее нахлынуло такое облегчение, что она почти сразу же уснула.

Проснулась она Там, где Нет Ветра. Рядом два человека: мужчина, который спас ее от муравьев, и маленькая женщина. Как и у мужчины, у девочки нет ни крыльев, ни клюва, зато до чего у нее яркая окраска – просто глаз не оторвать! Только вместо перьев на девочке странная широкая шкура: оранжевая, желтая, зеленая. А на спине рыжий мех, будто у лисицы. На голове у нее длинные черные волосы, и они отливают фиолетовым и синим.

Девочка медленно протянула руку к птенцу. В длинных, мягких когтях она держала кусочек мяса.

Напуганная малышка выпрямилась во весь рост, вытаращила глаза и расставила крылья. Потом схватила клювом мясо и презрительно отшвырнула в сторону.

Девочка протянула ей второй кусочек. Она не сверлила малышку взглядом и не нависала над ней, просто говорила

негромко и мягко. На ее причудливом бледном лице нет ни перьев, ни пуха, но глаза у девочки темные, будто у сокола, и в них малышка увидела такой же плененный, лишенный полета дух, как и у нее самой.

Малышка вытянула шею и взяла мясо.

* * *

Пирра наблюдала, как птенец схватил еще один кусочек мыши слишком крупным для такого маленького тельца клювом.

– Ты уверен, что это сокол? – с сомнением уточнила она.

Усерреф усмехнулся:

– Кто же еще?

Пирра фыркнула:

– Я таких соколов не видела.

Существо, съезжившееся внутри мешочка, размером не больше голубя. Коричневые и белые перья торчат в разные стороны, на голове пара забавных кустиков белого пуха, на ногах точно такой же пух, но здесь его побольше: кажется, будто птенец одет в белые штаны. Ноги большие, желто-зеленые, а когти длинные и черные.

Птенец сердито глядел на Пирру огромными темными глазами.

– Ты где его нашел? – спросила Пирра.

– На земле, под утесом. Я услышал, как она кричит: долж-

но быть, выпала из гнезда. Обычно птенцы у соколов вылупляются позже, но сейчас очень странное время: дикие звери зиму от весны не отличают. Найти сокола – доброе предзнаменование. Может быть, она вернет нам Солнце.

– Откуда ты знаешь, что это она?

– Я не знаю, я чувствую. – Усерреф помолчал и осторожно прибавил: – Если ей суждено стать взрослой птицей, то она захочет летать. А выживет она или нет, зависит от тебя.

– Почему от меня? – настороженно спросила Пирра.

– Ты должна будешь за ней ухаживать. – Тут Усерреф снова помолчал. – Если сумеешь ее вырастить, она станет самым быстрым живым существом на свете. Самки соколов крупнее, сильнее и стремительнее, чем самцы.

– Ну и правильно, – буркнула Пирра.

– Сокол – птица гордая, они не терпят неуважительного отношения. Сокол никогда не забывает обиды. Ее нельзя приручить, ты не заставишь ее подчиняться силой. Ты можешь только завоевать ее доверие и убедить ее остаться с тобой. – Усерреф внимательно поглядел на Пирру. – А еще она не будет делать ничего, чтобы тебе угодить. Думаю, вы с ней найдете общий язык.

Пирра невольно рассмеялась.

– Ну а пока она пленница, совсем как ты. Но если будешь заботиться о ней как следует, со временем научишь ее летать и отпустишь на волю.

Пирра сразу оживилась, но не подала виду.

– А ты, я вижу, все продумал? – сухо произнесла она.

Усерреф улыбнулся и покачал головой.

– Я здесь ни при чем, Пирра. Такова воля Херу. Иначе эта птица к тебе не попала бы.

Пирра назвала ее Эхо: малышка все время издавала пронзительный повторяющийся звук «э-э-э». Птица оказалась умной, своевольной и свирепой. Или ей что-то нравилось, или нет – и точка.

К счастью, Пирра ей понравилась. К Усеррефу она тоже относилась хорошо, а вот Силею невзлюбила. А еще Эхо ужасно боялась муравьев. Стоило ей заметить хоть одного, как она тут же впадала в панику и не успокаивалась, пока люди не очищали комнату от всех этих насекомых до последнего.

Дни летели один за другим, и все внимание Пирры поглотила Эхо. Девочка следила, чтобы в комнате всегда царил полумрак: птенцу так спокойнее. Усерреф принес ветку и устроил для Эхо насест. Он привязал к нему найденыша при помощи кожаных шнурков из кожи ягненка.

Поначалу Эхо оставалась настороже: стояла, выпрямившись во весь рост и приоткрыв клюв, и сердито глядела по сторонам. Но Пирра разговаривала с ней, и наконец птица успокоилась, распушила перья на груди и удобно расположилась на одной ноге, подобрав вторую под живот.

Зрение у Эхо оказалось удивительно острым. Она замечала муравья с тридцати шагов и следила за ним взглядом, по-

ворачивая голову под невероятным углом. А еще птицу прямо-таки завораживала одежда Пирры.

— Она различает больше цветов, чем мы, — объяснял Усерреф. — Говорят, для сокола зеленые и фиолетовые отблески на крыльях ворона яркие, как радуга.

Эхо быстро усвоила, что теперь ее кормит Пирра, и научилась выпрашивать еду жалобными криками «кий-кий-кий». Больше всего Эхо любила голубей: клювом выдергивала у них перья, вытаскивала кишки, потом прижимала тушку одной ногой, а второй отрывала куски мяса. После этого она разбрасывала в углу свой помет, а еще через некоторое время срыгивала аккуратный шарик из остатков перьев и костей.

Эхо росла на глазах: не успела Пирра опомниться, как ее подопечная из растрепанного птенца превратилась в могучего сокола длиной с предплечье девочки. Голова и крылья у Эхо стали красивого дымчато-серого оттенка, а шея и грудь — светлыми, желто-бежевыми с коричневыми пятнышками. Своим крупным изогнутым клювом соколиха была способна переломить голубю хребет или отхватить кусок от пальца Пирры, но девочку она ни разу не клюнула. А под большими черными глазами появился знак всех соколов — темная вертикальная полоска, напоминающая след от слезы.

Пирра не любила привязывать птицу и у себя в комнате давала ей полную свободу, но по совету Усеррефа не снимала с ног Эхо ремешки-опутенки.

– Чтобы научить ее летать, ты должна завоевать ее доверие, – говорил Усерреф. – Проводи с Эхо побольше времени, разговаривай с ней, давай ей клевать беличье мясо – это для нее и еда, и занятие. Пусть она привыкнет к твоему прикосновению.

Эхо уже запомнила собственное имя. Иногда, когда Пирра ее звала, она спрыгивала с насеста и бежала к ней, щелкая когтями по полу. А однажды, когда Пирра вышла из комнаты, Эхо стала ее звать: «Э-э-э».

Сначала Пирра гладила Эхо перышком, а потом решилась провести пальцем по ее прохладной мягкой груди и чешуйчатым желто-зеленым ногам. Больше всего Эхо нравилось, когда ей гладят ноги.

В один прекрасный день, когда Пирра именно этим и занималась, птица спокойно взобралась к ней на кулак. Пирра застыла как замороженная. Несмотря на все свои забавные проделки, Эхо все-таки птица Богини.

– Прижми локоть к боку и держи предплечье ровно, – тихо велел стоявший в дверях Усерреф. – Так ей будет удобнее сидеть. И не отпускай опутенки.

Эхо оказалась неожиданно тяжелой, а ее когти вонзались в руку Пирры, будто тонкие шипы терновника.

– Я сделаю тебе кожаную манжету на запястье, – сказал Усерреф. – А еще с этого дня ты должна носить с собой мешочек с кусочками мяса, чтобы у тебя всегда было чем ее поощрить.

– Откуда ты столько знаешь про соколов? – спросила Пирра, не сводя глаз с Эхо.

– Египтяне в соколах разбираются. Меня научил брат, Небетку. Ему было известно больше, чем многим.

– Он держал ручного сокола?

– Запомни, сокола нельзя приручить! Можно только убедить птицу на какое-то время остаться с тобой.

Пирра хотела спросить, что значит «на какое-то время», но Усерреф ушел в свою комнату.

Когда он вспоминает брата, его всегда одолевает грусть: до того как Усеррефа продали в рабство, они были очень близки.

Той ночью Эхо сидела над головой у Пирры на столбике кровати. Девочка лежала и слушала, как птица чистилась перед сном: то раздавалось деловитое шуршание, то пощелкивание клюва, то шорох встряхиваемых перьев. А потом стало тихо. Пирра не чувствовала себя такой счастливой с того дня, когда ее отправили в Така Зимы.

На следующий день она в первый раз вынесла Эхо во двор. Силее и стражникам было приказано не выходить за порог. Пирра и Усерреф наблюдали, как птица прыгает по двору, исследуя новое пространство. Она во все тыкала клювом и не могла отвести взгляд от можжевельника на наблюдательном посту. А когда налетел порыв ветра, Эхо захлопала крыльями.

– Ей бы уже пора летать, – заметил Усерреф. – Но Эхо,

наверное, побаивается: она ведь упала из гнезда.

– Как ей помочь? – спросила Пирра.

– Наберись терпения. Скоро она осмелеет.

– А когда Эхо полетит, она вернется?

– Ну конечно. Она ведь еще не умеет охотиться. К тому же Эхо считает Така Зимы своим гнездом. Полетает по окрестностям, потренирует крылья, а потом вернется.

Пирра повернулась к Усеррефу:

– И так каждый раз?

– Нет, – мягко ответил тот. – Как только она поймает свою первую добычу, будет жить самостоятельно.

У Пирры внутри все похолодело.

– Когда? Скоро она поймает первую добычу?

Усерреф ненадолго задумался.

– Через несколько дней. Но может, и позже.

Рука Пирры взлетела к губам. Всего несколько дней?

– Ну что ж, раз так надо... – чуть дрогнувшим голосом выговорила она. – Я хочу, чтобы Эхо была свободна.

Но тем вечером, глядя на птицу, сидевшую на столбике ее кровати, Пирра взмолилась:

– Не покидай меня, Эхо. Без тебя мне здесь плохо.

Эхо перестала чистить перышки и посмотрела на девочку. В черных глазах соколихи Пирра увидела вольные просторы высот, на которые девочке никогда не подняться.

Следующий день выдался ветреным, по двору кружила поземка. Эхо вела себя беспокойно, хлопая крыльями при

каждом порыве.

Тут она принялась то поднимать голову, то опускать ее, потом встряхнулась, расправила крылья – и полетела.

Когда Эхо поднялась в небо с радостным кличем, сердце Пирры пронзила боль. Покачиваясь в воздухе, Эхо перелетела через стену святилища.

Вот она взлетела выше, и вдруг неожиданно для себя Пирра почувствовала, будто и она тоже парит по бескрайнему небу вместе с Эхо.

Пирра ощутила вкус свободы.

* * *

Паря на восходящих потоках воздуха, соколиха кричала от восторга. Она сокол, а соколы рождены для полета!

Временами Эхо скользила быстро, будто по гладкой поверхности, но кое-где попадались неровные места: соколиха то ухала вниз, то ее опять подкидывало вверх. Соколиха не видела этих небесных ухабов, но чувствовала их. До чего весело крутиться и переворачиваться в воздухе: менять положение крыльев, чтобы скатиться с воздушной горки, замедлять полет, расправляя хвостовые перья, а потом расставлять крылья пошире, давая восходящему потоку поднять ее еще выше!

Болтавшиеся на ногах шнурки немножко мешали, но скоро соколиха и думать про них забыла. Она летала по небу,

а земля осталась далеко внизу. Девочка превратилась в крошечную точку, и все же соколиха чувствовала, как дух Пирры парил вместе с ней.

И вдруг у соколихи перехватило дыхание. Она заметила внизу голубей.

Хищница сложила крылья, убрала ноги под хвост и ухнула вниз, наслаждаясь мощным потоком холодного воздуха.

Однако голуби тоже не зевали: они ее увидели. Птицы метнулись в разные стороны, и соколиха растерялась: которую хватать? Воздух тек неравномерно, его потоки нахлестывали один на другой. Соколиха старалась держать крылья ровно, чтобы не сбиться с курса, но задача оказалась нелегкой.

Когда соколиха уже почти приблизилась к голубям, она выставила ноги перед собой и наострила когти, готовясь ухватить одну из птиц...

Но промахнулась.

Сделав вид, будто и не собиралась их ловить, она полетела прочь. Соколиха кипела от негодования и сгорала от стыда. Ну что она сделала не так?

Сквозь голоса Ветра и снега и хлопанье крыльев разлетевшихся голубей соколиха слышала, как девочка зовет ее, и устремилась обратно к гнезду.

Пирру несколько не смутил промах соколихи. Птица нырнула к земле, пролетев так низко, что от взмахов ее крыльев волосы на голове у девочки шевельнулись, и та рассмеялась.

Соколихе сразу стало веселее, и она полетела к можжевельнику, чтобы немного отдохнуть.

Надежно укрывшись от Ветра в густых ветвях, соколиха стала чистить перышки, но тут почувствовала, как сильно проголодалась. А у девочки всегда при себе мясо. Соколиха опять поднялась над веткой, собираясь взлететь, но что-то ее не пускало.

Застигнутая врасплох птица попыталась высвободиться, но ничего не вышло. Опутенки у нее на ногах зацепились за ветви. Соколиха попробовала клевать их, но можжевельник слишком густой и колючий: к ремешкам никак не подобраться!

Соколиха закричала и испуганно вытаращила глаза. Она застряла.

– Прилетит, когда есть захочет, – сказал Усерреф. – А пока дай ей побыть одной.

– Думаешь? – с сомнением уточнила Пирра.

Она видела, как Эхо села на можжевельник, но среди густых веток птицу не разглядеть. Пирра позвала Эхо, но в ответ та лишь пронзительно вскрикнула, а у соколов это может значить все, что угодно. Пирра нехотя поплелась следом за

Усеррефом обратно в храм.

Но Эхо все не прилетала, а Пирре не спалось. Ее одолевало ужасно неприятное чувство: казалось, будто она в чем-то запуталась, застряла и никак не может сдвинуться с места. Вдруг Эхо попала в беду? Что, если она в ловушке?

Чем дальше, тем сильнее нарастало ощущение опасности. Теперь Пирра была уверена: Эхо в западне. Ее нужно спасать.

Ветер стих, и воздух стал холодным и неподвижным. В свете факелов бычьи рога отбрасывали на стены остроконечные тени.

Пирра сняла плащ, сапоги и чулки и оставила у подножия стены, чтобы не цеплялись за ветки. Когда Пирра взбиралась к наблюдательному посту, колышки под босыми ногами казались вырезанными из льда. Тут с вершины горы опять налетел пробирающий до костей ветер.

Небо только-только начало светлеть, и темный силуэт можжевельника выглядел угрожающе. Пирра ни разу в жизни не взбиралась на дерево. Если оступится – ей конец.

Тут Пирре пришла в голову мысль: а Гилас вскарабкался бы на можжевельник с ловкостью белки. Но Пирра запретила себе о нем думать. Гиласа здесь нет.

Первая ветка, за которую схватилась Пирра, треснула, и девочка едва не полетела в пропасть. Еле-еле переведя дух, она потянулась к другой. Отчаянно цепляясь, Пирра лезла все выше.

– Эхо! – выдохнула она.

Птица не отвечает. Но соколиха здесь: Пирра чувствует ее присутствие.

Можжевельник покрыт колючим слоем пепла. Пирра вся исцарапалась, а ее ноги онемели от холода. Наконец она заметила между ветвей перья.

Эхо совсем близко, но рукой до нее не дотянуться. Птица сидит нахохлившись: она крепко спит. В полумраке Пирра разглядела, что опутенки обмотались вокруг веток. Неудивительно, что Эхо никак отсюда не слететь.

Пирра уже собиралась окликнуть Эхо, но вдруг та пошевельнулась во сне. Девочка ахнула от неожиданности.

Правый глаз сокола закрыт, зато левый широко распахнут. Эхо наполовину спит, наполовину бодрствует.

И снова Пирра вспомнила, что Эхо – не просто строптивая молодая соколиха. Она священное существо, чей дух нельзя познать до конца.

– Эхо – дочь Всевидящего Херу, – рассказывал Усерреф. – Херу – Великий Сокол, Повелитель Горизонтов. Пятнышки на его грудном оперении – это звезды, а его крылья – небо, и каждый их взмах гонит по небу ветер. Херу никогда не спит, ибо Его левый глаз – это Луна, а правый – Солнце, дарующее жизнь всем существам на свете...

Где-то далеко за Великим Облаком пробудилось Солнце, и вместе с ним проснулась Эхо. Птица чихнула, хотела почесать ногой ухо, но вспомнила, что она в ловушке, и попы-

талась взлететь.

– Не дергайся, только хуже сделаешь! – велела Пирра. – Сейчас я тебя освобожу.

Эхо повернула голову и устремила на Пирру возмущенный взгляд. Из открытого клюва вырывались облачка пара. Но она явно слушала, что ей говорят.

Продолжая успокаивающе бормотать, Пирра вытянула руку насколько могла и протянула Эхо кусок замороженного беличьего мяса. Эхо сменила гнев на милость и приняла подношение. Пока птица терзала мясо, Пирра вытащила нож и разрешила опутенки.

К ее удивлению, вместо того чтобы сразу взлететь, Эхо доела мясо, потом бочком прошла по ветке и взобралась к Пирре на запястье. На секунду девочка прижалась лбом к прохладной мягкой груди сокола, а Эхо коснулась клювом ее волос.

– Спасибо тебе, Эхо, – прошептала Пирра.

А потом птица взмыла в небо и ринулась вниз, во двор. Там Эхо приземлилась на поленницу и нетерпеливо окликнула Пирру. Э-э-э! Иди сюда скорее, что ты там застряла?

Все тело Пирры онемело от холода. Она с трудом слезла с дерева и спустилась во двор. Пирра оделась и стала отряхиваться, и тут из святилища вышли Усерреф и Силея.

При виде Эхо египтянин улыбнулся:

– Я же говорил: захочет – прилетит.

Пирра ничего не ответила.

Силея устремила на нее подозрительный взгляд.
– Госпожа, у тебя в волосах можжевеловые иголки.
– И что с того? – холодно произнесла Пирра.

* * *

Несколько дней спустя Эхо улетела и не вернулась.

После того как Пирра спасла ее, Эхо осваивала искусство полета на удивление быстро. С поразительной ловкостью она то исполняла в воздухе сложные маневры, то камнем ухала вниз. Пирра боялась, что птица разобьется, но Усер-реф показал ей специальные перья на сгибах крыльев Эхо:

– Они не дадут ей разогнаться слишком сильно, пока она не научится летать как взрослая.

Но вдруг Эхо улетела насовсем. Пирра застыла посреди двора, не в силах осознать, что птица покинула гнездо. Пирра чувствовала холод высокого бескрайнего неба и знала, что ее любимица далеко-далеко.

– Я не ожидала, что она улетит так рано, – прошептала девочка.

– Может, она еще вернется.

– Уже целый день прошел! Она ведь так и не научилась охотиться!

– Пирра, воля для нее дом родной. Ничего, научится. И кто знает – вдруг благодаря Эхо к нам вернется Солнце?

Но Пирре не было дела до Солнца: пусть лучше Эхо вер-

нется к ней.

Когда Усерреф ушел внутрь, Пирра поднялась на наблюдательный пост. Облака клубились над скалами, на склонах стояли безмолвные сосны. Раздавался приглушенный гул водопада, а за стеной воды скрывалась высокая, мрачная каменная стена. Девочка снова осталась одна, запертая в ловушке в нескончаемых серых сумерках.

Без Эхо в комнате Пирры стояла звенящая тишина. С изголовья кровати свисали остатки голубинового крыла, а на полу стояло глиняное блюдо для воды. Эхо не обращала на него внимания: Усерреф говорил, что соколы пьют редко. Но Пирре трудно было в это поверить, и она все равно его представляла.

Рядом с блюдцем лежал катышек из мышинной шерсти и костей: Эхо срыгнула его перед тем как улететь. Пирра наклонилась за ним и положила в мешочек для амулета. И вдруг пол под ней накренился; Пирру охватила внезапная слабость, ее колени подогнулись, и девочка упала.

В себя она пришла уже на кровати. Усерреф укутывал ее овечьими шкурами, а Силея грела над жаровней миску.

Яркое сияние углей било по глазам.

– Что со мной случилось? – с трудом выговорила она.

– Да так, пустяки, – вполголоса ответил Усерреф. – Всего лишь простыла на морозе.

Но нет, это не пустяки. Голова у Пирры раскалывалась, ее кидало то в жар, то в холод.

Когда Пирра проснулась снова, все ее тело болезненно ныло, зубы клацали, а в голову будто вонзались раскаленные иглы.

Усерреф сидел на полу, скрестив ноги. Он раскачивался и бормотал себе под нос египетские заклинания. Усерреф снова надел льняную юбку, а на его голой груди Пирра заметила амулет под названием уаджет: священный глаз бога с соколиной головой, которому поклоняется Усерреф. Зимой он учил Пирру своему языку, и теперь она разобрала несколько фраз: «Моему птенцу жарко в гнезде... к ней летят черные семена недуга... Всевидящий, пусть их пронесет мимо...»

Пирра зажмурилась, но от этого голова закружилась еще сильнее. Она проваливалась в темный водоворот...

Теперь над Пиррой склонился Гилас: взлохмаченные светлые волосы спадают на лицо, взгляд угрюмый.

– Куда делась Разбойница? – возмущался он. – Я ее тебе доверил!

– Я ее потеряла, – пробормотала в ответ Пирра.

– Вечно одно и то же! – стал сокрушаться Гилас. – Завожу друзей и сразу их теряю! Но на этот раз виновата ты!

«При чем тут я?» – хотела спросить Пирра. Гилас не потерял ее, а отослал прочь.

Но Пирра так ослабела, что даже шевелить губами не было сил, да и голова болела просто невыносимо. Пирра хотела попросить у Гиласа прощения за то, что не уследила за Разбойницей, но стоило ей взглянуть в его лицо, как мальчик

превратился в Силею. Рабыня сжимала в руках миску, над которой поднимался пар, и тряслась от страха.

– Я к н-ней не п-притронусь! – прозаикалась Силея. –
Иначе т-тоже з-заболею!

– Дай мне, – рявкнул Усерреф.

Отобрав у Силеи миску, он обмакнул кусок ткани в какую-то жидкость и стал осторожно обтирать Пирре лицо. Она застонала. Усерреф отставил миску в сторону и принялся легонько водить прохладными пальцами по ее шее и подбородку, будто что-то нащупывал.

И тут Пирра с ужасом поняла, что он ищет: чумные язвы.

Гилас издали разглядывал дом земледельца: пришла сюда Чума или нет? Белых отпечатков ладоней не видно, маленьких приземистых гноедодов тоже. Рискнуть или нет? Поиискать в доме что-нибудь съестное или идти дальше в Горы?

Пирра там, в Така Зими. Так сказала Горго. Вот только где это самое Така Зими? Над головой у Гиласа покрытые снегом вершины, испещренные глубокими лесистыми ущелья-

ми. Попробуй угадай, где искать Пирру. Может, девочки и вовсе в живых нет. Если Чума убила самую Верховную жрицу Яссассару, то ее дочери уж точно не уцелеть.

И все же пути назад нет. Гилас отправил Пирру на Кефтиу. Он виноват в том, что ее держат взаперти в Така Зимии.

Три дня Гилас брел по кишашей призраками равнине. Когда-то этот край был богатым и многолюдным, теперь же посеревшие от пепла деревни стояли заброшенные: в них остались только неуловимые разгневанные духи, ищущие то, что потеряли.

Гилас видел их не всегда. Бывало, он замечал, как птица или лиса спасались от опасности, неразличимой глазом, но иногда у Гиласа начинал ныть висок: это что-то вроде предупреждения. Сердце сразу сжималось от страха, и вот сбоку начинала маячить тень. Ну почему он вдруг начал видеть духов? Может, потому что приплыл на Кефтиу? Или из-за Чумы? Но как бы там ни было, отныне они ему являлись. Только этого не хватало!

А еще Гилас до дрожи боялся Чумы. Три дня он держался лесов: строил шалаши из веток, часто просыпался и проверял, не проступила ли на теле чернота. Чтобы отогнать болезнь, Гилас наносил на лицо порошок из мелколепестника и серы, который дала ему Горго, и тер кончики пальцев куском пемзы от Перифаса.

– Чума проникает внутрь через бороздки на пальцах, – пояснил тот. – Три их посильнее. Тогда у тебя прибавится

шансов уцелеть.

Время от времени Гилас встречал других оборванных странников, но стоило ему спросить, где Така Зимми, как люди тут же пускались наутек. Наверное, принимали его за призрака. В вечных сумерках не разберешься: привидения не отбрасывают тени, но без Солнца не видно, у кого есть тень, а у кого нет.

Гилас то и дело натыкался на гробницы. Многие из них запечатывали второпях, поэтому внутрь проникли лисы и вдоволь поживились мертвечиной. Чтобы привидения оставили Гиласа в покое, он сделал браслеты из полосок кожи, вырезанных из мешка с провизией, и выкрасил их красной охрой, выкопанной на холме.

А между тем запасы продовольствия подходили к концу. На пути Гиласу попало несколько домов, которые Чума обошла стороной, но спасавшиеся бегством крестьяне почти ничего там не оставили. Гилас выживал лишь благодаря мешку с ячменной мукой, который дал Перифас. А еще помогло молоко от одинокой, с ног до головы облепленной пеплом козы: скотина так обрадовалась, что ее наконец подоили, что у Гиласа рука не поднялась ее зарезать. Но пока Гилас спал, неблагодарная коза отвязалась и была такова.

Все тело ломило от холода. А ведь уже наступила весна, и пчелам всю пору с жужжанием кружить над цветами миндаля, но деревья и виноградники черные, мертвые. Только бы Солнце вернулось поскорее, иначе урожаю не бывать, и

все умрут с голоду! Горго права. Боги и впрямь покинули Кефтиу.

Дверь крестьянского дома жалобно поскрипывала на ветру. Так зайти внутрь или лучше не надо?

Но от голода Гилас растерял всякую осторожность. Мальчик направился к двери.

Ему повезло. Хозяин не взял с собой целых две закопченных свиных ноги: они так и остались висеть на свае.

Гилас потянулся, чтобы снять их с крюков, но тут со стропил, хлопая крыльями, слетел голубь, и мальчик уловил в тени какое-то движение. Выхватив нож, Гилас отскочил в сторону. В стену, возле которой он стоял секунду назад, вонзились вилы.

Нападавший снова ткнул в него острыми зубцами, что-то выкрикивая на кефтийском.

Гилас опять увильнул.

– Я не хочу с тобой драться! – громко произнес он.

Однако кефтиец продолжал вопить и делать выпады.

Молодой парень одет в лохмотья, лицо чумазое, взгляд отчаянный. Он явно такой же странник, как и Гилас: забрел сюда в поисках еды.

– Я не хочу драться! – повторил Гилас, выдергивая из-за пояса топор.

Крича и размахивая оружием, они следили друг за другом недобрыми взглядами.

– Ну что ты дурака валяешь! – пропыхтел Гилас. – Тут на

двоих хватит!

Но кефтиец только состроил свирепую гримасу и потряс вилами. Наверное, грозился выпустить Гиласу кишки как свинье.

Мальчик указал ножом сначала на свиную ногу, потом на себя.

– Это мне, а это... – он показал на вторую ногу, – ...тебе.

Кефтиец зарычал, будто дикий зверь, и не двинулся с места.

Гилас кинул ему бурдюк, чтобы доказать честность своих намерений.

– На, пей. Это молоко.

Мальчик изобразил, будто пьет, подергал за невидимое вымя, зашипел, показывая, как струи молока ударяются о дно и стенки ведра, и заблеял, подражая козе.

Судя по выражению лица кефтийца, страх в его душе боролся с голодом. Не сводя глаз с мальчика, он схватил бурдюк, принялся и отхлебнул глоток.

– Пей, пей, – ободряюще произнес Гилас и медленно убрал нож в ножны.

Кефтиец отложил бурдюк и во все глаза уставился на мальчика.

Гилас опустил топор на пол, затем поднял руки и показал кефтийцу ладони.

– Видишь? Я безоружен.

Повисла долгая, напряженная тишина. По-прежнему не

сводя глаз с Гиласа, кефтиец прислонил вилы к стене. Потом прижал ко лбу кулак, поклонился и расплылся в широкой улыбке.

Через некоторое время оба наелись до отвала, а потом взяли веревки и завязали на них петли, чтобы нести то, что осталось от свиных ног. Затем Гилас и кефтиец вышли из дома и поглядели в сторону гор.

Кефтийские горы совсем не похожи на те, в которых вырос Гилас. В Ликонии вершины неровные и острые, а на Кефтиу они округлые. Гилас представил, как боги лежат на них, раскинувшись на спине, и любуются небом.

– Дикти, – произнес кефтиец, указывая на верхушку самой высокой горы. – Така Зими. Дикти.

– Дикти? – переспросил Гилас. – Это гора так называется? Кефтиец кивнул:

– Така Зими. Дикти.

Тут Гилас тоже прижал кулак ко лбу и отвесил поклон.

– Спасибо.

Кефтиец жестом показал, что останется в доме. Еще раз поклонившись ему на прощание, Гилас отправился в путь.

Но не успел мальчик уйти далеко, как кефтиец опять его окликнул.

– Рауко! – прокричал молодой человек. Он стал рыть ногой землю, потом вскинул руки над головой и указал вперед: – Рауко, рауко!

Озадаченный Гилас только головой покачал, показывая,

что ничего не понял.

Кефтиец повторил все то же самое. А когда до Гиласа и во второй раз не дошло, парень сдался и отвесил ему прощальный поклон – мол, желаю удачи, тебе она понадобится. И Гилас направился к горам. Мальчик все ломал голову, о чем кефтиец хотел его предостеречь.

Вот и Горго говорила, что в тех краях Чума, вдобавок по лесам бродит какое-то чудовище. Может, и кефтиец об этом же предупреждал?

Никаких чудовищ Гилас не встретил, но чем выше он поднимался, тем больше на его пути встречалось хижин и домов со знаками Чумы.

Гилас думал о том, была ли Пирра рядом с матерью, когда та умерла. Пирра ненавидела Яссассару, но что его подруга чувствует сейчас? Своей матери Гилас не знал: она оставила их с Исси на пике Ликас, когда они были совсем маленькими. Поэтому Гилас считал, что Пирре повезло, а она не понимала, чему тут завидовать.

В овраге Гилас нашел тропу, тянувшуюся вдоль ручья, и вышел в оливковую рощу. Деревья оказались сверху донизу покрыты пеплом. Под одной оливой в грязи явно валялся какой-то зверь, а еще Гилас обратил внимание, что на высоте его роста со ствола содран кусок коры. Чьи это следы? Медведь бы оставил отметины от когтей, но Гилас не заметил ни одной. Может, здесь олень проходил? Но таких крупных оленей Гилас не встречал.

Неужели это то самое чудовище?

В другой стороне оврага Гилас заметил заброшенное хозяйство: вот навозная куча, вот каменный резервуар, а рядом дом из глиняных кирпичей. Даже с тридцати шагов мальчику сразу бросился в глаза белый отпечаток ладони на двери, словно кричавший: «Чума».

Но вода в ручье чистая, а по берегам густо растут ивы. Гилас даже заметил несколько пяточков зеленой травы. Как же приятно снова видеть зелень после всей этой бесконечной серости! Гилас решил, что это хороший знак, и опустился на колени, чтобы наполнить бурдюк водой. И застыл. Рядом с его коленом красовался след копыта размером с его голову или даже больше.

Стараясь не шуметь, Гилас поднялся. В нескольких шагах от него рядом с валунами высилась внушительная куча навоза. Над ней поднимался пар.

В этот момент послышалось фыркание, и из-за камней вышла огромная корова с таким же гигантским теленком.

У Гиласа сердце ушло в пятки. Рога у коровы здоровенные, острые и направлены вперед: такие только у диких бывают. В детстве Гилас встречал в Горах диких коров. Они раза в два больше смирных домашних – и раза в два свирепее. Но прятаться поздно: она его заметила.

– Не бойся, – тихим голосом обратился он к корове. – Я тебя не трону, и твоего теленка тоже.

Корова подняла массивную тупую морду и принялась.

– Сейчас я медленно уйду, – произнес Гилас и в доказательство своих слов попятился. – По этой стороне я из оврага вылезти не сумею, тут склон слишком крутой, поэтому я сейчас переправлюсь через ручей и поднимусь наверх на другом берегу, хорошо? Там склон пологий. Ты ведь не возражаешь? Я к тебе близко не подойду.

Корова, похоже, решила, что мальчишка угрозы не представляет, опустила голову и стала пить.

Гилас уже добрался до середины ручья, как вдруг впереди раздался шорох, и из зарослей ивы вышел громадный бык. Таких великанов Гиласу еще встречать не доводилось.

Рога длиной с человеческую руку, шкура облеплена зловонным пеплом: бык только что катался в собственной моче. Они всегда так делают, когда у них кровь кипит и им не терпится с кем-нибудь подраться.

Гилас в ужасе глядел на этого зверя: раздувающиеся ноздри, налитые кровью глаза... Так вот о чем его пытался предупредить кефтиец! Вот почему парень рыл ногой землю и поднимал руки. Это он так рога показывал! «Рауко, рауко». Бык.

Все эти мысли пронеслись в голове за какую-то секунду. Из оврага Гиласу не выбраться: у него на пути разъяренный самец. Но что еще хуже, – мальчик на его пути.

Гилас ненароком очутился между быком и его коровой.

Животное не стало рыть копытом землю, как изображал кефтиец. Оно просто ринулось в атаку.

Бросив бурдюк, Гилас со всех ног кинулся к дому. Бык с громким топотом неся следом. Мальчик побежал к резервуару. Может, получится заскочить с него на крышу. Но нет, не добежать – слишком далеко. Гилас схватил валявшиеся на земле вилы, метнулся к дому, воткнул черенок вил в зем-

лю и, используя его вместо шеста, попробовал запрыгнуть на крышу.

Но чуть-чуть не долетел и вцепился в край, болтая ногами в воздухе. Гилас подтянулся и влез на крышу лишь за пару секунд до того, как бык нанес свой удар. Один рог прошел на расстоянии ладони от его сапога и оставил в стене борозду.

Выдергивая соломенную кровлю охапками, Гилас полез выше. Вот бык развернулся, готовясь к новой атаке. Ну нет, на дом он точно не кинется.

И тут голова гигантского зверя врезалась в стену. Обломки глиняных кирпичей полетели во все стороны, крыша затряслась.

У Гиласа от страха дух перехватило. А бык тем временем порысил разгоняться для третьего удара.

У мальчика при себе топор, нож, праща, да еще на спине висит свиная нога. Но против взбешенного противника это все не поможет.

Дом, на крышу которого он залез, стоит рядом с крутым склоном оврага. Перед Гиласом отвесная каменная стена, по такой не взобраться. Надо переправиться через ручей на другую сторону, но как обойти быка?

Тут еще один громовой удар сотряс дом, и разъяренный бык взревел, злясь, что никак не может добраться до врага.

Гилас заполз повыше. Вот бы как-нибудь отвлечь эту зверюгу! Тогда, если повезет, он успеет достичь своей цели.

Внизу, возле стены, которая быку не видна, Гилас заметил

брошенную тачку. Ручки повернуты вниз – ни дать ни взять рога пасущегося быка. И тут Гиласа осенило.

Пока животное готовилось к очередной атаке, Гилас съехал с крыши и торопливо привязал один из своих красных браслетов к ручке тачки, потом прислонил тачку к бревну так, чтобы обе ручки смотрели вверх, будто рога у быка, готовящегося напасть.

Земля задрожала от грохота копыт, и Гилас запрыгнул с тачки на крышу. Выдернув охапку соломы, он перегнулся через край и помахал ею перед быком.

– Эй, ты! – прокричал Гилас.

Тот резко встал и устремил на мальчика злобный взгляд.

– Тут за домом еще один бык! – продолжил Гилас, разбрасывая по земле солому. – Ему приглянулась твоя корова!

Бык замотал тяжелой башкой из стороны в сторону, бросился по следу из соломы и вылетел за угол.

При виде тачки бык опять застыл как вкопанный. Заметил красный браслет, колыхавшийся на ветру. Бык утробно фыркнул, стал рыть копытом землю – и ринулся в бой.

Только бы этот зверь не опомнился раньше времени! Гилас соскользнул с крыши с другой стороны и в туче брызг кинулся через ручей. На бегу он схватил бурдюк, а потом вскарабкался вверх по склону оврага и наконец очутился в безопасности.

Гилас обернулся всего один раз. Корова и теленок с серьезным видом наблюдали, как глава их семьи громит тачку,

разнося ее в щепки.

* * *

Два дня спустя Гилас нашел пещеру и решил, что там и заночует.

Мальчик направился к замерзшему ручью, расколол лед топором и набрал в бурдюк воды. Потом он зашел в пещеру, пробудил к жизни огонь и съежился возле своего костерка, жуя кусок свиной ноги.

До чего же Гилас сегодня устал! А как ему не хватает Перифаса! Мессениец чем-то напоминал ему Акастосу, загадочного скитальца, которого Гилас встречал несколько раз. Оба бежали из родных краев, спасаясь от Воронов; оба порой бывали резки и замкнуты, но к Гиласу относились с грубоватым добродушием.

Гилас промерз до костей. Горы утопают в снегах. Ноги у мальчика болят после целого дня трудного перехода по занесенным ущельям и крутым склонам, поросшим безмолвными соснами.

А еще Гиласу страшно. Хижины на пути встречаются реже, привидения тоже, и все-таки его весь день не покидает нарастающий страх. Гилас боится чудовища, о котором предупреждала Горго. Вряд ли она говорила о быке: уж диких коров-то она повидала немало. Нет, Горго не стала бы называть их чудовищами. Тогда что же за угроза здесь таится?

Вдобавок Гилас опасается Воронов. Горго приняла его за соглядатая Короносов, а значит, у нее есть причины их остерегаться. Крепость Воронов далеко, за Морем, но они могущественный клан, а теперь еще и кинжал себе вернули, и значит, их сила только возросла.

Что, если они здесь, на Кефтиу?

Огонь отбрасывал на стену пещеры прыгающие тени. Сонный Гилас поднял руку и сложил пальцы так, чтобы тень была похожа на зайца. Так он развлекал Исси, особенно долгими зимними вечерами. Еще они играли в воинов, сражаясь сосульками вместо мечей. А до чего метко Исси бросала снежки!

Но больше всего сестренка любила воду. В то лето, когда ей исполнилось шесть, Гилас научил ее плавать с надутым козым мочевым пузырем. Прошло всего полдня, а она уже держалась на воде лучше него. С тех пор, стоило им оказаться возле горного потока или озера, как Исси сразу лезла купаться. Гилас частенько дразнил сестру, говоря, что скоро у нее на ногах вырастут перепонки, как у ее любимых лягушек...

* * *

Гилас проснулся и вздрогнул. По коже пробежал холодок. Мальчик чувствовал: он здесь не один.

Послышалось хриплое тяжелое дыхание. В темноте в

дальней части пещеры что-то зашевелилось.

Достав нож и схватив горящую головню, Гилас посветил в глубокую тень. Вот блеснули чьи-то глаза. У мальчика кровь застыла в жилах. Кто там – волк? Медведь? Чудовище?

Вдруг зверь опрометью пронесся мимо него. Гилас вжался в стену. Когда это существо выбегало из пещеры, оно оглянулось, и Гилас успел разглядеть свалывшуюся шерсть, большие золотистые глаза – и шрам на носу.

Мальчик вздрогнул.

– Разбойница! – громко вырвалось у него.

Мальчик стоит у входа в свое логово и вглядывается во Тьму. Маленькая львица знает: человеческим взглядом ее не увидеть.

Неужели это тот самый мальчик, который давным-давно заботился о ней?

Стоило ей учуять его у подножия горы, и знакомый запах отозвался болью в ее сердце. Ей отчаянно захотелось к маль-

чику. Потом дал о себе знать страх, но маленькая львица оказалась не в силах уйти и шла за мальчиком и когда было Не-Светло, и когда стало Темно. Она даже зашла в его логово и нюхала его, пока он спал. Но львица до сих пор сомневается, тот ли самый это мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.